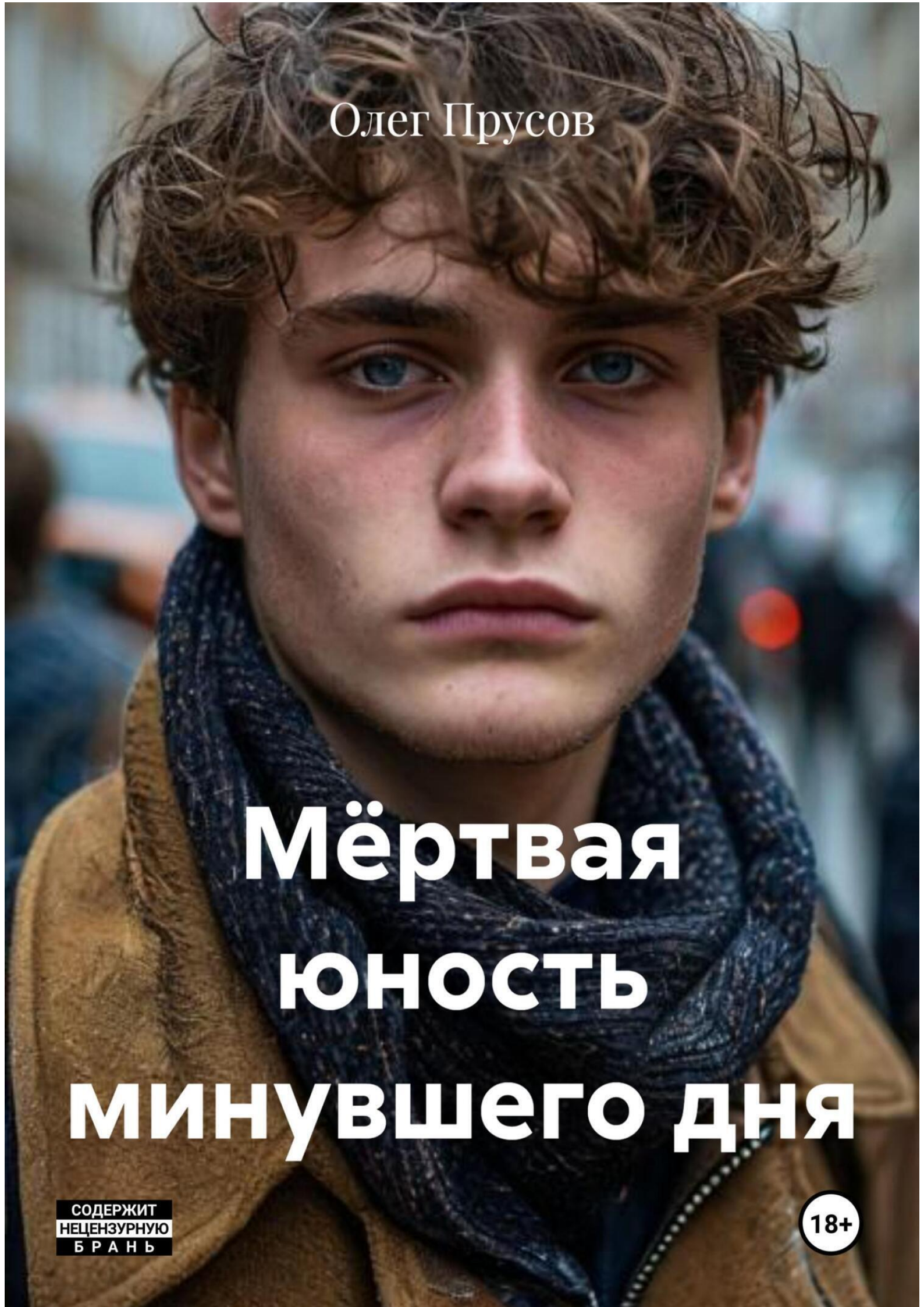

Олег Прусов
Мёртвая юность минувшего дня
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Олег Прусов

Мёртвая юность минувшего дня

«Автор»
2025

Прусов О.

Мёртвая юность минувшего дня / О. Прусов — «Автор», 2025

Молодой человек по имени X заканчивает школу, с каждым днём всё сильнее осознавая предвкушение судьбоносных перемен, которые в один из дней сокрушают его шизоидную рефлексию и заставляют столкнуться с миром во всём суровом обличии. События в городской провинции неизвестного происхождения и временных координатах проносятся одним днём экзистенциальных исканий и выбора посреди головокружительной свободы и безысходной тоски. Взросление и ответственность перед выбором и умопомрачительными мечтами. Одно становится ясным: юность растворилась и умерла в этом дне и уже не удастся жить как прежде. Но такова цена расплаты за свободу, от которой не скрыться.

© Прусов О., 2025
© Автор, 2025

Олег Прусов
Мёртвая юность минувшего дня

Глава 1

Одним из зимних вечеров в окрестностях до изнеможения изведанной местности городской провинции, он пробирался, плутая по заснеженным тёмным дворам, опустевшим в полуночном мраке. Студёный воздух витал, навеивая единственную из желанных мыслей, которая теплилась в его вожделениях – идти дальше, минуя зигзаги петляющих дорог и знакомых улиц, наречённых некогда известными, но ныне забытыми именами. Вековые дома из панелей составляли этот жилой массив, кажется, бесчисленных дворов со своей непогрешимой историей. Народ, не осознавший общность своей идентичности в единстве представленных микрокосмов.

Так доживаешь ты свой век, когда-то воздвигнутый и устремлённый в будущее беззаветной юности. Что ждёт Нас в этом неутолимом потоке времени, где жизнь открыта как тетрадь, отданная на волю автору, бродящему в лабиринте своих мыслей, неутолимо влекущих фантазий, устремлённых в неведомые дали. Все мы рядом друг перед другом только ступили на этот путь, чтобы попутно заглядывать друг другу в глаза и всматриваться на своих компаньонов, безусловно зная, мы повязаны одной судьбой, вышедшие из лона вселенной её дети в поисках дорог свободы. Обретая заманчивые дары неутолимых амбиций под покровом заботливого родителя. Мотивы его не ясны, чувства непостижимы, зачатие эфемерно. И лишь созревающая мысль, обращённая к истокам, навеивает временами тоску по забытой Родине.

Та, что за пределами рода и изменчивой цикличности, череды реинкарнаций и ворот Эдемова сада. Ты зовёшь Меня, и я уже давно знаю, миновав детские лета, что сердце перестанет биться и я в последний раз о чём-то подумаю, что выстрадало и воспело человечество в этом некрологе.

И здесь, родившись под кровом звёзд заброшенным младенцем, всматриваться в очертания сущего, тоскуя по земле обетованной. Существую ли Я, был ли Я когда-то или только сейчас единственный и последний раз плутаю впотьмах? Мысли слагаются, витая в умозрительном континууме, преодолевая пространственные пределы и необратимый, устремлённый вперёд поток времени. И здесь среди обветшалых домов, обладающих причудливой конфигурацией, напоминающей лабиринты острова Крид. В свете огней окон мелькают силуэты тёплых огоньков суетной жизни обывательского досуга. Ещё один день прожит, чтобы начался другой и, как и прежний канул в лету. Лишь бесцельно бродить в надеждах собственных воспоминаний, изнывая от одиночества. Неприкаянно слоняться среди людей, заключённых в склепы своих уютных гробов. Здесь каждая плоскость отзывается своей поблекшей текстурой изношенной штукатурки, отколотой от основания стен городских трущоб. Он увидел на ней отштампованную чёрной краской надпись печатными буквами: “РАБОТА ДЛЯ ВСЕХ!!!” осмотревшись он обнаружил, что подобных объявлений бесчисленно много: “Какой, однако, навязчивый работодатель…” – подумалось ему. И всё же эта тишина для меня родна. Она воспроизводит таинство абсурдного давнего ритуала в надежде что я найду выход.

Он направлялся к своему дому в ожидании облегчения в надежде обрести приют уставшего тела, зная это обременительное место своего быта, в котором проходила отроческая жизнь и должна была за цвесть беззаветная юность. Совсем юный Х жил с матерью, воспитывающей его как старшего сына и младшую дочь – его сестру. Никто в их союзе не претендовал на главенствующую роль. Не значилось и отца семейства, который бы изволил взять шествие за домочадцами. Так и шла тихим ходом их совместная жизнь: мать, дочь и сын. Друг у друга на виду изо дня в день и от года к году, думая, что всё обоюдно известно и идёт своим чередом

с теологическим фатализмом, но не ведая, то ли в предвестии всадников апокалипсиса, то ли пришествии мессии.

Х подошёл к двери и нескромно постучался, в ожидании что ему тотчас же откроют. Не заставив ждать, дверь отворилась. На пороге стояла мать в рассеянном смятении, которое быстро переменилось радостным облегчением, сбывшегося ожидания.

– Сынок, ты вернулся! Ну слава богу. Я волновалась, что ты до сих пор не пришёл. На улице нынче рано темнеет. Совсем ничего за оном не видать.

Она суетно спешит на кухню и отдаляясь от прихожей более тихим тоном продолжает:

– Я сейчас суп подогрею. Ты, наверное, голоден? Так давно не ел ничего. Вроде бы не пересолила. Сейчас тебе только хлеб нарежу, – С неотвратимой вовлечённостью озадачив себя и не дождавшись ответа сына, она увлеклась давним изнурительным ремеслом, ставшим ежедневным ритуалом.

Обязанностью, которую она свято выполняла. Ведь дети всегда должны быть сыты, иметь кров и хотя бы какую-то одежду более-менее приличную. Хотя бы не изношенную и опрятную, выглаженную с иголочки. Что бы не вызывать пренебрежительных оценок сверстников детей и их родителей. Ведь она одна воспитывает сына и дочь уже много лет, а дети застали отца в совсем бессознательном возрасте, что они едва ли могли помнить очертания его лица. Тогда мама говорила с неукоснительной убеждённостью своим детям, что отец по-прежнему любит и помнит свою семью, вопреки обстоятельствам он отправился далеко за рубеж выполнять свой гуманитарный долг в отношении страждущих народов, как Моисей, однажды посланный древним иудеям. Матери был близок мифологический эпос и эстетика архетипов, которые в обыденной житейской переиначенной форме уживались в её миросозерцании. Сказки и фольклор она рассказывала своим подрастающим детям с ранних лет. С годами она, кажется, не замечала, что дети растут и их притязания в отношении достоверности событий прошлого уже не вполне удовлетворяет такая не искушённая умом и строгой выверенностью концептуальная доктрина. Тогда она уже не столь уповала на методы внушения с прикрасами средств художественной выразительности в надежде убедить своё чадо, что так оно и есть. Самовнушение утешало её и всё чаще казалось, что она уверовала в многократно сказанное. Однако в противовес этому, наряду с её представлениями уживалась народная молва, порой жёсткая и пренебрежительная, но кажущаяся более правдивой и поэтому привлекательной отроческому уму. Впрочем, семейная генеалогия и память о быте предков, таинство зачатия и кровного родства, больше волновали старшего сына. Пытливым умом он задавал продуманные тревожные вопросы, пытаясь рассматривать интимно личное и семейно-почвенническое в исторической ретроспективе своего народа и мировой истории. Мать, зная, что не может сполна удовлетворить интерес сына отвечала по типу: “У всех у нас, сынок, одна Родина. Все мы исходим из единого рода, идущего от двух любивших друг друга людей в силу довлеющего чувства ослушавшихся бога, оскорблённого тем, что можно любить его творение больше, чем создателя.” Схожим образом она и объясняла непорочное зачатие собственного сына. Когда Х в разговоре со сверстниками гордо утверждал версию матери, искренне доверившись ей. Искушённые товарищи подняли его на смех и раскрыли таинство возникновения жизни в коротком видео на просторах Интернета. Тогда Х, недоумевая рассуждал: “Но ведь мама такая кроткая и нежная. Она не кричит и даже не плачет. Она совсем не похожа на этих женщин.”

Пока Х снимал верхнюю одежду в прихожей, мать вернулась к сыну и ненастойчиво попросила.

– Сынок, сходил бы ты к сестрёнке Дашеньке, пожелать спокойной ночи. Она тебя любит как старшего брата. Ты её опора и поддержка в школе и в жизни. Как хорошо, что вы друг у друга есть и не одни на этом свете останетесь. Не очень обрадовавшись перспективе разговора с сестрой, Х выразил немое сомнение, не посмев высказать его матери, он покорно последовал

в соседнюю комнату, следовавшую за гостиной. Межкомнатная дверь была закрыта и Х робко несколько раз едва слышно постучал в неё согнутыми фалангами пальцев.

–Ну что надо?! – послышалось возмущение, донёсшееся из-за ещё неоткрытой двери.

–Кто это? А, ты? Ну и зачем ты припёрся сюда? – Она неистово продолжала выражать негодование. Тогда Х осмелился сделать пару шагов, немного приблизившись. Они показались ему вечностью преодолённого марафона.

–Добрый вечер, дорогая сестра! – посмел вымолвить он, с трудом подбирая необходимые слова, чтобы не казаться смешным и глупым в глазах младшей сестры, пытаясь выстроить разговор в более долгосрочной и доброжелательной перспективе. Не вытерпев такой наглости уязвлённого достоинства, Дарья строптиво продолжила:

– Как вы мне надоели. Отвалите от меня, никчёмные придурки! Я не хочу видеть Вас! Почему, хоть ты мне скажи, я родилась в этой дурацкой, никчёмной семье неудачников?

Х не ожидал такого натеска откровенной словесности. Он сам смутно понимал онтологические проблемы метафизики чтобы непреложно утверждать категорические императивы, уместные мировоззренческим системам пытливых людей. Озадаченный вопросом, он всерьёз задумался, пытаясь дать обстоятельный ответ, претендующий на объективность. Однако манера разговора не предполагала светских мелизмов и промедлений на раздумья. Дарья ещё более возмущённо продолжила изъясняться, не услышав ответа на свой вопрос.

– Что ты молчишь, ничтожество?! Даже сказать ничего не можешь. У всех моих знакомых нормальные семьи, где их любят и ни в чём не отказывают. Дарят подарки, отдых не в нашем “Мухосранске” на каникулах. О них заботятся и интересуются их жизнью. Вы мне купили последний iPxone только через год после того, когда он вышел и он уже стал не последний. На меня смотрели как на лохушку, неудачницу, недочеловека, как на Вас…

Пока Дарья неистовствовала в излиянии своей души Х отстранённо осматривал её комнату. Ему нельзя было появляться здесь без присутствия владелицы, а во время её пребывания, его нахождение в пределах комнаты было нежелательным и имело основания только в случае весомых причин визита. Но таковых почти не находилось. Всматриваясь в очертания пространства, ему думалось, но он не решался озвучить, да и не видел необходимости: “Как же здесь красиво, со вкусом, индивидуально. Дизайн обустройства действительно отличался в общем интерьере старого ремонта. Здесь было достаточно жилого пространства, отопление и электричество с водоснабжением и самое главное для Х его личная комната. Ему было мучительно некомфортно осознавать себя на виду под пристальным, а может отстранённым вниманием даже самых близких людей. В такие моменты молчаливого уединения ему грезилось, что он первый и последний человек, который в антураже мироздания остался один без всякого оправдания на сосуществование с кем-то похожим, близким по душевному складу и психической организации его натуры. Но тогда он мирился и забывался в мыслях, намного отдалённых от ограниченных пределов четырёх стен его комнаты.

Теперь пользуясь случаем, он осматривал комнату своей сестры, а ей очевидно не нравилось, что очертания какого-то пространства, пусть даже воссозданного по её вкусу, может быть в моменте более интересным чем её присутствие. На фоне всего выделялся массивный шкаф с открытыми, визуально просматриваемыми полками. Светская литература в новеньком издательстве произведений отечественной и зарубежной классической прозы. Аккуратно расставленными грамотами и развешанными медалями в награду за первые места, других не имелось. На одной такой глянцевой почётной грамоте триумфально со всей геральдикой крупным жирным шрифтом прописалось имя почётного реципиента. “За выдающиеся заслуги в просвещении и активную гражданскую позицию с верой в продуктивное созидание на благо Родины” – высокопарно декламировалось над размашистой подписью известного чиновника. Несколько полочек были заполнены разнообразной косметикой различных брендов. Назначение которой сложно было определить даже бывалой женщине, трепетно относящейся к своей

внешности. Несмотря на юный возраст Дарьи, заключавшийся в пятнадцати годах, вся её публичная жизнь, расположенная в лоне объективов камеры телефона с высоким разрешением и социальных сетей, олицетворяла явственную женственность эксцентричной внешности, которую она умело конструировала, не успев запомниться в едином обличии. Такая эпатажная особенность личности столь юной натуры вызывала нередко тайную зависть и льстивое восхищение со стороны ровесниц женского пола, которые не могли примириться с юношескими симпатиями более старших школьников по отношению к своей сопернице. Учителя ехидно прощали все причуды и охотно подыгрывали, не пытаясь оказывать воспитательное воздействие. Дарья, обладая недюжинной обаятельностью, располагала к себе самые скептические и брюзгливые натуры. Но удерживала почитателей на расстоянии, дабы сохранить отдалённое восхищение недосягаемого пантеона. Всё это оказывало долю влияния на её параноидальный характер так, что порою было сложно отличить друзей от врагов. Ей казалось, что повсюду скрываются недоброжелатели, стремящиеся унизить её, поколебать неприступные социальные позиции. Но и этим всё не ограничивалось – к тем, кто проявлял к её натуре недостаточный интерес, она таила скрытую вражду, пытаясь обратить на себя внимание. В тайне от остальных это вносило в её душу мучительный разлад, который она не совсем осознавала. Быть заметным, претендуя на безусловную любовь. Но всё существующее не давало таких гарантий, обращая на непрерывные бесплодные поиски в круговороте людей и событий.

Тогда осмотревшись Х о чём-то, подумал, изредка посматривая на сестру, он осмелился вымолвить несколько слов, которые казались ему более подходящими и оправданными.

– Я пришёл пожелать тебе спокойной ночи. Не желаешь ли ты пойти завтра со мной в школу?

– А-ха-ха! – переменив тон разговора, злорадно заликовала она, – Сдался ты мне. Проваливай отсюда!

Раздосадованный Х вышел из комнаты, закрыв за собой дверь до упора. Чувство сумятицы переменилось ощущением свободы. В гостиной в преддверие отхода ко сну расположилась мать на коленях при образах. Она не заметила сына и что-то шептала и изредка касалась лбом пола, предаваясь ежедневной обыденной литургии. Рядом с ней располагался молитвослов с затёртой, изношенной обложкой в толстом переплёте, страницы его были изрядно потрёпаны, но печатный текст кириллицы был разборчив. Застав мать, Х мимолётно задумался о воспоминаниях из детства о походах с матерью в местный храм на воскресную службу, которую они посещали еженедельно. Тогда умиротворяющая обстановка дома божьего казалась ему не от мира сего. Всё здесь погружало в отстранённые размышления его детского ума о загробной жизни. Таинстве причастия и вкушения плоти с терпким ранее неизвестным напитком. Завораживающее пение церковного хора юных девушек и запах ладана, развеянного среди силуэтов прихожан. Бывало, он засматривался на пламя свечей, воздвигнутых в память об умерших. Их медленное плавление казалось ему плачем усопших о живых, с кем однажды пришлось проститься в надежде на воссоединение. Тогда он угрюмо слонялся, тая в душе твёрдую уверенность в непоколебимости жизненных устоев бытия, храня искру веры маленького сердца, пронизанного трепетным чувством любви и убеждённости в покровительстве запредельных сущностей.

Теперь он причудливо смотрел на мать, всецело предающуюся молитве, произносимой ею в безмолвии. Он давно не ходил в места отправления культа и научился ничего не просить. Слова молитв он помнил, но не обращался к ним даже мимолётно или упоминая в суме. Всё что объединяло его с той далёкой порой детских воспоминаний неразорванной тонкой пуповиной между матерью и сыном – это нательный крестик на верёвочке, который он не снимал и носил с тех пор не меняя. Жестяная облицовка почернела и образ спасителя поблек.

Вот она закрыла молитвослов и погасила догоравшую свечу. Теперь мир вновь наполнен обыденностью мирской жизни. Остаётся лишь доживать её так, как велит сердце. Направляет

пытливый искушённый рассудок. Пробуждается мужество и воля взглянуть на себя и оглянуться вокруг.

Тогда мать обратилась к Х немного в замешательстве, ещё не свыкшись с тем, что теперь её диалог должен строиться спонтанно с существами земными.

– Вот и день склонился к ночи. Завтра вам рано вставать и идти в школу, а мне на работу в ночную смену. Только бы спокойно выстоять. Молю бога.

– Покойной ночи, мама. Я пойду. – В надежде скорее проститься, ответил Х. Он уходил, чтобы заснуть и забыться от грядущего в ожидании утра и раннего подъёма. В след ему, она сказала, не считая возможным утаить. Словно в произносимых словах заключалась истина, в которую она свято верила, но истина эта была земного происхождения и также непреложно верна, как и хранимая ею вера:

– Сынок, знай, что Даша любит тебя. Ты всегда был её опорой и примером для подражания как старший брат вместо отца. Она совсем большая и скоро вырастет и всё поймёт. Меня не станет, а вы будете жить, зная, что друг другу родные люди одной крови, – промедлив несколько секунд с изрядной досадой, она добавила, – У меня кроме вас никого нет…

Не имея ближних и дальних родственников, расположенных к оставленному семейству, оставалось жить посредствам, довольствуясь грядущим. На жизнь мать зарабатывала, торгуя продуктами в местном круглосуточном ларьке, расположенном на районе. Это был единственный постоянный доход семьи. Ночью наведывается особая прослойка приверженцев употребления горячительного. Губительный напиток, как известно, придуманный сатаной, заливался в покрытые язвами желудки и проносился кладбищем нейронов в остатках разума. Тогда на требования товара она стыдливо и кротко подавала востребованное с чувством вечного стыда, испытывая жалость к себе и людям всё сильнее, неотвратимо утрачивающих человеческие очертания. Может сменить работу на ту, которая не терзала бы так возвышенное чувство совести? Но и у высоких чувств находятся антиподы их затемняющие. Страх перед будущим. Куда податься и направить оставшиеся силы, зная, что в тебе нуждаются.

Иной раз неоднократно повторяемое действие на протяжении многих лет, неизгладимо навеивает мысли о том, что иначе быть не может. За горизонтом ничего не предвидится. Тогда идея приобретает материальную силу. Так жили отцы и прадеды. Разве есть основания сомневаться в направлении исторического процесса и ведомых под его натиском судеб людских масс и народов, навсегда забытых и принесённых в жертву неотвратимому року? Но иногда проскальзывает затаённая надежда, не всегда открыто осознаваемая, но не дающая покоя на исходе дней. Что, стало быть, дети наши найдут решение и сломают жернова истории. Устремятся в будущее, очертания которого так призрачны и неведомы. Тогда им не понадобятся кесари и консулы, жрецы и фараоны, вожди и диктаторы. Мир остался бы на волю обезличенных людей, осознавших общность единой истории, иронично надругавшейся над ними от века к веку.

Так на закате дня Х направился в объятия постели, предвкушая необходимость нового дня. Тёмная беспросветная ночь с распростёртой полной луной, кажется объяла всё увиденное доселе.

Глава 2

Бессознательное забвение, в котором пребывал Х продлилось недолго. Сколько часов он не знал себя? Отходя ко сну, он укрывался с головой и постепенно теряя сознание в потоке мыслей забывался в омуте блаженного сна словно укрытым пеленой футляра, ограждающего от необходимости участия в обременительных событиях и миросозерцании. Будучи признанным, каждое мгновение оправдывать своё пребывание каждым вздохом и мыслью, навязчиво требуемом действии под натиском избыточного мира.

Но теперь эта роскошная идиллия, которую он мог себе позволить, без ожидания упрёков в лености и осуждений прервалась мелодией Реквиема, воззвавшей его к новым свершениям. И вновь держать лицо, быть чувственно воспринимаемым и постижимым загадочным прозор-

ливым умом, искушённых обывателей. Он поднялся и осмотрелся вокруг. За окном было по-прежнему темно и должно быть холодно. Длинные ночи и короткие дни обещали быть долго. Какой прок от того, что мир природы непреложно цикличен и обязательно наступит весна, пришедшая на смену беспробудному холоду и метелям. Когда лёгкий освежающий воздух проносится живым дыханием трепещущего в ожидании мира. Под цветение сирени и каждого лепестка, грациозно и застенчиво раскрывающегося из бутона, решив довериться прельщающему зову всеобщей гармонии в каждом спонтанном и предрешённом проявлении, словно рождаясь вновь и единожды. Рампа этого театра с неизвестным автором совсем не озирается на притязания зрительских симпатий.

Тогда невольно Х настигала мысль о необходимости вновь идти в школу. Как быстро прошли эти годы и наступила пора делать выбор о должном. Он с причудливым интересом смотрел на головокружительные амбиции честолюбивых ровесников, стремящихся занять своё место под солнцем. Пригревающие лучи светила пригревали своим теплом в предвкушении щедрых даров судьбы.

Он не знал, что будет дальше и как ему жить теперь. Влиться в общий поток, не прекращаемой гонки в погоне за счастьем, нутром испытывая неосознанное отторжение к предписанному неведомыми обезличенными идолами, повелевающими чаяниями поколений? Он вышел из своей комнаты и встретился с матерью. В этом доме она пробуждалась раньше всех, чтобы помолиться и приготовить завтрак для детей перед рабочей сменой в магазине. Даша как было принято спала до самого рассвета и как правило не приходила к первому уроку. Её чуткий сон строптивой принцессы не смел потревожить ни один валет и ни одна внимательная горничная, выносящая ночные вазы своей госпожи. Тогда попрощавшись с матерью Х покинув дом и, отправился в школу.

Дорога к школе проходила через городской парк, разделяющий путника от места назначения. Ступив на центральную аллею, он миновал сопутствующие магистрали тротуаров. Среди старых вековых сосен он казался сам себе затерянным под кровом массивных заснеженных веток, укрывавших его неприметный силуэт. Одинокие фонари стояли в безмолвии, освещая своим тусклым светом маленькие островки среди беспросветного мрака заслонявших высоких деревьев. Скоро наступит рассвет. Однако Х чаще сторонился расчищенных широких дорог и избрал более обособленный окольный путь. Когда снег безвозвратно ложился в ноябре и уже не таял до самого марта, он прокладывал узенькую пологую тропу, разверзшуюся в лесопосадочном гектаре. Она витиевато петляла зигзагами среди деревьев, причудливо маневрируя, обрываясь в тупиках и вновь начинаясь где-то по близости. Так, что возможность сократить путь в привычном ожидании для прохожего казалось безумием.

Проще было отступить или сломать протоки лабиринта.

Миновав тропы парка, Х вышел к дороге разделявшей его от административного здания школы. Габаритное сооружение уже несло свет из широких окон с мелькающими силуэтами. К центральному входу стягивалось всё больше неприкаянных поникших лиц. Миновав последние препятствия на пути, Х оказался в шумном вестибюле в преддверии первого урока. Слившись с общим потоком, он оставался незамеченным проходя по тускло освещаемым коридорам и поднимаясь по лестничным пролётам. Поднявшись на третий этаж, Х вошёл в кабинет истории. Апартаменты помещения были привычны ему как отчий дом. Его антураж внушал такую же родственную обстановку своими секуляризованными атрибутами мирской жизни. Над доской по центру грациозно недосягаемого пантеона возвышалась фотография мужчины среднего возраста. Его лик олицетворял снисходительную добродушную серьёзность, а обличительно строгий взгляд символизировал решимость в реализации не претворенных намерений. Фас профиля его чела оставил потаённой от наблюдателей невинный в своей чистоте как душа ребёнка затылок. Словно Господь поцеловал его в темя и наделил неведомым взору смертных ореолом. Для Х его назидательно сакральная символика напоминала светлый домашний уют

родного дома. Когда мать стояла при образах иконы на кухне и в пламени зажжённой свечи скрестив персты правой руки касалась своего тела неразборчиво произнося загадочные слова. На противоположном полюсе комнаты располагались портреты известных деятелей культурного наследия: Ключевский, Карамзин, Соловьёв, Чернышевский, Герцен, Плеханов. Их малознакомые имена и ещё более незнакомое для присутствующих письменное наследие хранились в безмолвном неведении. Казалось, они безукоризненно терпеливо дожидались ренессанса или примирились с судьбою однажды оказаться обреченными на вечное забвение. Под ними заслоняя все пространство возле стены стояли книжные шкафы из лакированной древесной облицовки. Их полки заботливо хранили издательства давно написанных книг. Многочисленные страницы, скрываемые за крепко прошитыми обложками, таили тексты, озаглавленные многочисленными аббревиатурами в неукоснительном императивное тоне директив и текстов, пронизанных футуристическим пафосом. Словно старинные пергаменты на руинах древней цивилизации они доносили далеким эхом голоса своих призраков, не нашедших утешения в гробницах мавзолея. Иногда украдкой на перемене некоторые ребята вырывали несколько страничек случайно выбранного тома из собрания сочинений и отправлялись в места уединения справлять нужду. Жёсткая поблекшая бумага сохраняла свой причудливый типографский запах пожелтевших страниц, до поры диффузии с терпким аммиаком. Деревянные парты, которые служили своеобразный папирусом для занятных изображений и лаконичный афоризмов, дожидались своих постояльцев. Каждый осмелившийся, пытался оставить собственное послание, оставаясь неизвестным автором.

Осмотревшись, Х занял своё место возле окна. Рядом с которым оказался его сосед по парте, по сей видимости, уже давно находившейся в помещении класса. Он увлечённо перебирал пальцами по дисплею экрана своего смартфона. Их соседство при длительном знакомстве лежало у истоков первого класса школьной скамьи. Что не могло не вызывать взоров одноклассников, наполненных подозрением, а иногда язвительной иронии. И несмотря на то, что их непосредственное присутствие изо дня в день отзывалось намёком на телесную близость, каждая такая встреча для Х происходила как первая. Будто виделись они впервые, не придавая значение иллюзорным воспоминаниям былых лет. Алёша, кажется, вовсе не замечал стены, воздвигнутой между ними, не он её строил, но и не брался её рушить. Пожалуй, это не доставляло ему никакого дискомфорта. Поэтому Х предпочитал просто молча садиться рядом, будто Алёша лишь один из многих атрибутов окружающего пространства. Так же он сделал и сегодня, робко отодвинув стул едва слышно. Но Алёша и не повёл взглядом и лишь экспрессивно восклицал, предаваясь экстазу переполняющих эмоций, которыми не хотел делиться.

– О-о-о – Вот это ульта! Изи катка. Затащил.

А в это время Х пребывал в недоумении и мысленно проговаривал про себя услышанные слова, смутно улавливая интуитивно их значение. Но с ещё большим усердием предпочитая не замечать своего соседа, хоть это с каждым мгновением становилось всё труднее. Но вот Алёша переменился в лице и стал терять концентрацию, осматриваясь по сторонам.

Немного промедля он посмотрел на него с добродушно отстраненной улыбкой и промолвил: “О, привет! Я подумал пригласить тебя погамать у меня сегодня после школы. Заценишь мой скилл.” – заявил он.

“Сегодня же суббота”, – подумал Х, а это значит, что завтра заслуженный долгожданный еженедельный выходной. В такие времена он предпочитал часы уединённого чтения, оградившись от посторонних. Вечная наука служила пищей ненасытному рассудку питая собою бесконечный поток запутанных мыслей переплетающейся паутины. Как отрешенная анестезия кратковременного пребывания по ту сторону вещественного бытия.

Намереваясь дать ответ, он с усидчивым внимание стал всматриваться в очертания лица своего собеседника. Его припухшие круглые черты с едва заметными скулами навеивали мысль об избыточности своего носителя и малости пространства. Макушка раскинулась

рыжевато-русым кровом дикобраза растительной рассеянностью. А широкий нос напоминал пикантный овощ, укрытый солнечным градом веснушек, проросших на этом плодотворном поле. Чуть ниже застенчиво прорастали девственные усики, служащие многообещающим атрибутом полового диморфизма. Его выпуклые уста, с ненасытностью тянулись к желанной пище. Всё в этом образе навеивало мысль о каком-то обращённом вспять акселерированном младенчестве. Так, что в одно мгновение у Х пробудилось какое-то смутное, не вполне осознаваемое чувство снисходительного расположения, которое внушало мысль о невозможности отказа и желания удовлетворить нужду своего собеседника. В становлении зрительного контакта их взгляды пересеклись и в душе Х что-то молниеносно содрогнулось. Бездонные глаза Алёши разразились иступлённой бездной, пронизывающей Х до самой глубины его натуры. Где он невнятно припоминал беспамятные отголоски дежавю о бессознательной поре, внушающей страх и трепет перед прародителем.

Но Алёша кажется и вовсе не заметил и намёка на трудности и добродушно стремительно заморгал, устремляя взгляд по сторонам. Камень сошёл обвалом горы с души Х, что он постепенно стал приходить в привычное состояние мыслей и речи.

– Я приду сегодня. Но только ненадолго. У меня есть планы уединения на этот день, – почти извиняясь, сказал Х.

– Я скажу маме, что ко мне придёт друг поиграть и мы будем тихо. Она иногда разрешает мне приводить друзей домой по выходным, когда я сделаю уроки.

– Тогда я прихвачу небольшой презент. Думаю, он тебя приятно удивит и сохранит интригу до самой встречи.

– О, круто. Только ты маме не показывай, чтобы не отобрала. Она не любит принимать подарки от посторонних и мне не разрешает.

Так время плавно подступило к началу первого урока и в апартаменты уютного помещения класса пребывали всё больше постояльцев. В основе их ментальной близости лежали вовсе не узы кровного родства. В них скрывалось чтото другое, не пронизанное генетическими обусловленностями. И всё же томящееся где-то в подкорках бессознательного. Вот лёгким дуновением ветра заносит лучезарных дев. Они веселы и возвышенны в своих разговорах, предаваясь страстному обсуждению чего-то между собой. Их пёстрая внешность обостряет видимые черты до степени крайней вычурности, а убранство нарядов столь откровенно в тактильной словесности. Такое появление неожиданно оживило Алёшу. Взор его устремился в их направлении, а губы судорожно содрогнулись. Он словно и сам не заметил, как его тонкие руки озябли и непроизвольно стали склоняться вдоль тела, скрываясь под партой.

Из общего потока мелькающих силуэтов вырывается эпатажный заряженный мужчина. Его импозантный образ обращает взоры лелеющих ожиданий. И кажется его дресскод отнюдь не подобает устоявшимся ожиданиям. Неубывающий энтузиазм, не заставляет сомневаться в его способности пробежать на одном дыхании марафонскую дистанцию или устроить интенсивный кроссфит. Его тело окутывает элегантный спортивный костюм с патриотической символикой. Не раздумывая, он подходит к одной из фурий, обращённой к нему спиной, склонившейся, прильнув к парте. Раздаётся звонкий шлепок, встревоживший изумлённых обывателей. Но вот кажется ярость валькирии должна неминуемо настичь своего обидчика в жажде возмездия. Она яростно готова биться с ним и уже замахивается рукой для нанесения увесистого удара, но обернувшись, замечает виновника и растворяется в кокетливой физиономии почтительного реверанса. В стороне звучат одобрительные возгласы и буря оваций в лучших традициях рыцарской галантности. Этого незаурядного человека величают Паханом, но Х в личных разговорах предпочитает обращаться к нему более неформально “Паша”. С самых незапамятных времён они стали близкими друзьями, которым удалось пронести духовное родство и близость с раннего детства. Когда они маленькими детьми встретились во дворе и увлеклись завлекательной игрой, устремляясь друг за другом, а в минуты разлуки грустили и с нетерпением

предвещали скорую встречу. Мир казался таким светлым и большим, что не обозначал видимых пределов. Потом они встретились в детском саду, а позднее пошли в одну школу на районе и совсем незаметно подкрадывалась пора её завершения. Х всё более явственно ощущал наступление этого дня, громовым столбом оно проносилось в его душе и всякий раз напоминало о себе при встрече со старым другом.

Пахан вышел в центр напротив доски у стола учителя, что не оставляло сомнения в том, что он хоть сейчас готов начать вести урок, посмотрев на особенности и приметив детали письменного стола, он переменился и выбрал траекторию движения, направляясь вдоль рядов в сторону Х и Алёши.

– Здорово, брат! Как ты? – обратился он первым к Х своим здоровым преднамеренным тоном. – Подходи к нам сегодня вечером на хату потусить, давно тебя не было.

Х знал атмосферу таких волнительных встреч, где часто бывают незнакомые люди и многое наслышал о том, что там происходит. Ему был интересен лишь его друг и это была возможность оказаться наедине с ним для откровенного разговора, которые случались редко. Такие встречи давались ему сокрушительным потрясением, особенно мучаясь болезнью похмелья и длительным помутнением рассудка в период восстановления. Что не позволяло концентрировать внимание на чтении книг.

– Здравствуй, Паша! Сегодня боюсь не получится, ведь я уже договорился о встрече с Алёшей. – испытывая лёгкое смущение ответил он.

– Я же просил тебя не называть меня так. Другие могут неправильно понять, – сказал он невозмутимо с едва скрываемой досадой. – Опять с лохами тусуешься? Ладно, тебе решать… А ты чего пялишь, задрот?

Алёша кротко посмотрел на него и бормоча что-то невнятное попытался отстраниться словно занят чем-то важным под партой, пытаясь судорожно нащупать пальцами макет своего телефона. Но заведомо, не ожидая ответа Пахан гордо последовал дальше, усевшись за последнюю парту.

Шумный гул переполнявший класс перебил затяжной звонок, однако учителя всё ещё не было как вдруг нагрянула ещё одна небезызвестная личность. Он вошёл в свойственной ему открытой, доброжелательной манере, привлекая внимание, не затрачивая особых усилий. Его смазливая внешность и нежные очертания лица придавали образу какую-то лёгкую доверительную возвышенность, а тусовочный стиль приходился особенно к лицу. В этих деталях не проглядовалась небрежность или незавершённость стиля. Такая перемена внимания чересчур раздосадовала Пахана, временами это перетекало в открытую конфронтацию, лицо его злобно скривилось, а кулаки стали сжиматься, перебирая казанками. Он смотрел глазами голодного волка на своего оппонента, предвкушая вкус крови предвосхищаемой схватки и уже воображал воспеваемые дифирамбы одному из них, будучи повелеваемым роковым неведомым инстинктом, доставшемся по наследству человечеству. Тогда он решил вмешаться, как подобает хищнику, перед лицом беззаботной, неожидающей опасности жертвы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.